

ПАМЯТИ МИШИ КОВАЛЕВА —

НЕЗАМЕТНОГО НЕЗАМЕНИМОГО ЧЕЛОВЕКА

А если кто-то незаметно жил
И с этой незаметностью дружил,
Он интересен был среди людей
Самою незаметностью своей.

Евг. Евтушенко

Мишу похоронили во вторник 22 ноября 2011 года на Соловках. Все предшествующие дни была ненастная промозглая погода, а в момент похорон выглянуло солнце. Низкое северное солнце. Соловки провожали Мишу в последний путь. Тонкий слой снега, сверкая на солнце, покрывал землю, стены и башни монастыря, Святое озеро.

Соловки — они живые. Они любят тех, кто их любит. Они помогают тем, кто им помогает. И они провожают тех, кто всю жизнь прожил с Соловками в сердце.

Мишина могила — в новой части поселкового кладбища. На опушке леса, с видом на печавковскую¹ дорогу. Рядом Лопское озеро и море. Я люблю эту дорогу, многие мои соловецкие маршруты начинаются именно с нее. Теперь на ней я и буду встречаться с Мишей. Только поговорить уже не удастся.

Мы, Мишины друзья по стройотряду физфака МГУ, в день похорон собрались в подмосковной Балашихе у Мишиной матушки Лидии Михайловны. Ей за последние два года пришлось пережить много утрат. Умер младший сын Сергей, Мишин брат, умер муж, Александр Константинович. А теперь и Миша.

Миша каждый вечер перед уходом домой с работы звонил с Соловков матушке. Выходил из конторы «Палаты» и минут пять-десять гулял по участку с телефоном. Позвонил он маме и в тот последний вечер. Разговор был обычный: «Все нормально, сейчас пойду домой, в магазин заходить не буду, погода не очень. Пока». Но до дома Миша не дошел. Разговор с матерью был последним в его жизни.

Лидия Михайловна собрала нас у себя в день похорон на поминки, чтобы проводить Мишу вместе с ней. Сначала было человек пятнадцать, потом подъезжали еще и еще. Могли бы приехать сотни и сотни тех, кто знал Мишу по Соловкам, по соловецкому отряду. Ведь все, кто работал в отряде с конца 1970-х, знали его. Кто-то приезжал в отряд на год, кто-то на два, а многие на пять, десять и более лет. Приезжали уже и дети тех, кто был в отряде раньше. Многие уже и не знали друг друга, их разделяли десятки лет. Но был один человек, которого знали все: это Миша Ковалев. Он был фундаментальной константой нашего соловецкого отряда. Он соединял все поколения воедино. Его имя было как пароль для тех, кто хотя бы раз побывал в отряде.

На поминках всем было очень тяжело. У тех, кто начинал что-то говорить, буквально на втором же слове срывался голос. Осознание того, что Миши больше нет, просто душило. Плакали все, сдерживаться было просто невозможно.

Но поминки — это, прежде всего, память. Каждый стал вспоминать какие-то свои моменты жизни, связанные с Мишей. И получалась история Мишиной жизни.

Константин Митин

¹ Дорога ведет на юг Большого Соловецкого острова к мысу Печак.

ИСТОРИЯ МИШИНОЙ ЖИЗНИ²

Помянем Мишу. Хорошего человека, товарища нашего. Добрый он был. Отзывчивый. Тихий. Никогда ни на кого не кричал, не ругался. Как умный мужик никогда не лез во власть — не хотел себя пачкать. За большими деньгами и славой не гнался. Жил по-холостяцки, скромно. И при этом, в отличие от нас с вами, был счастливым. Всё его устраивало в этой жизни. Никогда не жаловался ни на что. Сам по себе по жизни шел. Ничего ни у кого не просил. И всегда здоровался со всеми. Приветливым был. Другие плачут, канючат: «Бедные мы, больные да несчастные!» А всё живут да живут. До ста лет не вымирают. А про него все думали, что он вечный — здоровый, двужильный. К врачам не ходил, бюллетени не брал. Вкалывал, как трактор, не переставая. Без выходных. Вот и надорвался. Взял да и помер в 54 года на угоре, с которого любил на монастырь смотреть.

Он был Светлым человеком. Светлая ему память.

² Текст составлен из воспоминаний университетских друзей Миши: А. Куркова, И. Митина, А. Лагучева, К. Постнова и фрагментов выступлений соловчан В. Павлова, А. Сошиной, П. Леонова на поминках после похорон М. Ковалева 22 ноября 2011 г. и на сороковинах 26 ноября 2011 г.

Михаил Александрович Ковалев родился 28 апреля 1957 года в городе Балашихе Московской области. Окончил школу в Балашихе и поступил на физический факультет Московского Университета в 1974 году.

Летом 1979 года в составе студенческого стройотряда попал на Соловки. И сразу же стал всем нужен. Только и слышно было: «Ковалёв! Где Ковалёв? Это к Ковалёву!» Он был старше многих, много всего умел и никогда серьезно не жаловался, разве что вздыхал время от времени. У него была поразительная внутренняя дисциплинированность и сила воли. и, вообще, казалось, что в отличие от всех смертных, он не имеет слабостей. Хотя нет, и у него маленькая слабость была — он жутко любил селёдку, в особенности соловецкую. Может быть, Миша потому в итоге и переехал на Соловки, чтобы быть рядом с тем местом, где эта селедка плавает? Это шутка, конечно. На самом деле он просто всерьез полюбил Соловки. Был надежным человеком, и поэтому его всегда и всюду бросали в самые слабые места, как резерв главного командования на фронте. Видимо, по этой же причине он многие годы был чуть ли не бессменным членом штаба соловецкого стройотряда, тогда как другие лица там менялись весьма часто.

Миша обладал очень ценным документом — водительскими правами. Поэтому на Соловках ему доверяли управлять любыми транспортными средствами, включая гусеничный бульдозер.

В 1980 году под базу реставрационного участка передали один из скотных дворов, что расположены слева по дороге к аэропорту. Там у отряда был большой фронт работ. А Миша внутри скотного сарая работал на тракторе, ровнял и сгребал то, что осталось от многих поколений коров. Пространство вроде и большое, но повсюду через 3–5 метров стоят кирпичные столбы, поддерживающие верхний ярус. И требовалось немалое умение, чтобы просто проезжать между ними, а ведь надо было еще и работать. Миша выходил из трактора весь мокрый и от усталости, и от духоты, и от нервного напряжения. Как-то в июне того же года Миша вместе с ребятами докладывали трубу пекарни, которая утром должна была испечь хлеб для поселка. Завершив работу под утро, побежали на колокольню встречать восход солнца в самый долгий день года.

Работая в реставрационном отряде, Миша не стал каменщиком или плотником экстра-класса. Но при необходимости он мог выполнять любую работу.

Окончив университет, Миша стал по распределению работать в НИИ ядерной физики,

который неразрывно связан с физическим факультетом МГУ, даже находится в том же здании. Он занимался экспериментами по изучению оптических разрядов в стекле, как и все выпускники, думал о диссертации. А затем появились первые персональные компьютеры, и Миша с головой погрузился в их изучение. Он перешел в группу автоматизации эксперимента, которая находилась на 6 этаже пятиэтажного корпуса (вот такие бывают в МГУ чудеса, есть еще и 7-й этаж!). Попутно подрабатывал в физико-математическом интернате № 18 при МГУ. Ездил Миша по разным областям... Стремление к кочевой жизни было у него в крови. Каждое лето он неизменно отправлялся в стройотряд на Соловки.

В 1986 году факультетское начальство почему-то решило запретить выезд сотрудников МГУ в студенческие стройотряды. Но «осоловевших» в отряде выпускников было очень много, и они организовали отдельную бригаду. В результате на Соловках работали и студотряд, и бригада сотрудников физфака МГУ.

А затем пришла перестройка. Закончился Советский Союз, закончились стройотряды, закончился реставрационный участок на Соловках. Но остались те, кто не мог оставить Соловки. Был образован научно-исследовательский и проектно-производственный кооператив «Палата» во главе с В.В. Сошиным для ведения реставрационных работ на Соловках. И когда в 1992-м перед перенесением мощей соловецких Преподобных потребовалось срочно отреставрировать южную стену Спасо-Преображенского собора, ветераны отряда и бригады, отложив все дела, приехали и сделали дело. И стало ясно, что отряд — это реальная сила, способная заниматься реставрацией под руководством профессионалов. И на следующий год кооператив вновь позвал ребят. Отряд не умер, он остался. Каждый год и его ветераны, и новое молодое поколение приезжали и продолжают приезжать на Соловки.

В начале кризисных 1990-х Миша ушел из института в компьютерную фирму. Был весьма грамотным компьютерщиком, так как начинал с первых советских машин и понимал, как все это на самом деле устроено. Некоторое время Миша пытался работать в новом, быстро развивающемся, как нынче говорят, «секторе» — электронная поддержка в банковской сфере. Непыльная работа в престижном банке, серьезная зарплата, неплохая перспектива... Казалось бы — живи и будь счастлив. Но для Миши счастья не было. Оно появлялось только летом, когда выкраивалось время для поездки с отрядом. Миша оживал только

на близких сердцу далеких Соловках. Московская жизнь с ее повседневной суетой, с появившимися тогда новыми понятиями — «дресскодом», «корпоративами» и т.д. и т.п. — тяготила Мишу: «Это не моё!» Соловецкая знакомая, увидев в Москве в «банковский период» Мишу в костюме с галстуком, обомлела. Он ведь был очень неприспособлен в одежде, мог ходить в драных брюках, изношенном до дыр свитере. Главным для него в одежде было ее удобство. А рубашка обязательно должна быть расстегнута, как минимум, на три пуговицы! Так он всегда и ходил по Соловкам.

Головных уборов Миша принципиально не носил никогда. Даже в самый лютый мороз. Спрашивали его, почему идет весь покрытый инеем без шапки, — отвечал: «А у меня шапки нету». Когда Соловецкое ГБДД обязало всех лиц, передвигающихся на мотоциклах и снегоходах, надевать защитные шлемы, Миша, будучи человеком законопослушным, перемещаясь по поселку, беспрекословно этому требованию подчинялся, но на природе шлем всё же снимал.

Соловки тянули Мишу. Он ездил туда не только летом, но и зимой. Для организации, занимающейся реставрацией, потребовался человек, умеющий работать с современной компьютерной техникой и связью. И Миша после некоторых раздумий принял предложение Сошина. В 1994-м остался на Соловках. Теперь уже навсегда.

Помню, в феврале 1994-го прилетели на несколько дней на Соловки. Стало ясно, что предлагаемая работа в «Палате» Мишу привлекает, и вряд ли он от нее откажется. Потом лето, и первая «зимовка» — тогда еще в Прачечном корпусе. Кто жил там, тот знает, какой это «комфорт». Как-то спросил Михаила — не жалеет ли? Ответ — что ты, все наоборот. С энтузиазмом — о Соловках, о проблемах, о планах. Потом жизнь взяла свое. Меньше восторга, больше осторожного оптимизма, дальше — и этого меньше. Хотя, если вспомнить о делах наших в конце 1990-х, — кое-что удавалось. Главный критерий — не «освоение средств», а — качество, вложение души в свою работу. Так Миша и молодых ребят в отряде воспитывал. Потом вектор соловецкого развития повернул в сторону музейно-рыночной экономики. Но Миша оставался верен своим принципам. Жить ему становилось труднее. Но все время появлялись новые хорошие люди, друзья. Что ни говори, ведь Соловки есть Соловки — идут столетия, меняется все вокруг, а притяжение этого святого места не ослабевает. Так много души было вложено в них...

В 1994 году Миша окончательно переехал жить из Балашихи на Соловки. Я когда-то тоже

жил в этом подмосковном городе. Земляки всегда легко сходятся. Мы с Мишей тогда довольно тесно общались. Он мечтал о компьютеризации и «интернетификации» Соловков. Строил планы о развитии местной власти в поселке. Считал, что при разумной организации экономики Соловки могли бы стать процветающими, как в монастырские времена. Помню, однажды (это было, кажется, в 1996 году) обсуждали грядущие выборы в Соловецком районе, и я неожиданно спросил: «Миша, а что если мы тебя выдвинем в мэры?»

На самом деле в Ковалеве сочетались замечательные качества, необходимые руководителю: аналитический ум, трудолюбие, житейская мудрость, коммуникабельность, спокойствие, доброжелательность и... некая остраненность³. Он не был «своим парнем», не был повязан с местными «династиями» и «кланами». И это давало ему возможность быть независимым и объективным.

В ответ на мой вопрос Михаил посмеялся, но не отверг предложения. Только сказал: «Знаешь, я, может быть, и согласился бы, но сейчас не стоит — бессмысленно. Время не подходящее». В самом деле, в период «лихих» 90-х годов вся страна переживала кризис. Особо тяжело было выживать на острове. Даже Миша с его высоким лбом и твердым характером, боюсь, не справился бы.

Когда 17 ноября 2011 года соловецкие депутаты отстранили от власти главу МО «Соловецкое» А.А. Ефимова, я сразу вспомнил наш давний разговор с Мишей Ковалевым. И решил вновь побеседовать с ним на тему «мэрства». Хотел сказать ему: «Пора! Ветер дует в паруса! Времена изменились: впереди маячит многомиллиардная программа по Соловкам. Плюс личная поддержка президента и особое отношение к Соловкам патриарха». Но наш разговор, увы, не состоялся.

Еще в четверг 17 ноября мы были вместе с Мишей в гостях. Он был какой-то особенно легкий, общительный. Чай пили, ели беляши. Разговаривали. Миша о маме рассказывал. Какое он кресло специально заказал, чтобы ей телевизор было удобно смотреть. Говорил, что в январе к ней поедет, это кресло замечательное ей подарит...

На другой день после «соловецкой революции» 18 ноября около десяти часов вечера, когда Миша, как всегда поздно, возвращался с работы домой, он замертво упал недалеко от «Шанхая».

³ Остраненность — взгляд на обычное необычным взглядом, способность увидеть в обычном нечто странное, новое. Остраненность оставляет пространство симпатии к объекту восприятия.

(Так соловчане называют Архангельскую гостиницу). Именно на этом месте Миша любил, идя домой, постоять, чтобы полюбоваться на монастырь — так он объяснял мне когда-то. А может быть, он останавливался и для того, чтобы немного отдохнуть, отдышаться? В этом он никому не сознавался. К врачам не ходил. И больничных не брал. Вскрытие показало, что сердце 54-летнего труженика перетрудилось.

Похоронили Михаила на Соловках. Ведь он сам выбрал это место для жизни и смерти. Здесь вложил он свою душу и труды в реставрацию памятников. Тут его все знали и любили.

Проводить Мишу пришлось много соловчан, работавших с ним и просто знавших его. Последний путь Михаила был благословлен наместником монастыря отцом Порфирием, пришедшим попрощаться с покойным. Отпевания не было — Миша не был крещен. После похорон на Лопском кладбище собрались на тризну. Помянули усопшего, вспомнили его добрым словом.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НЕМ И О НАС⁴

Миша во внешних проявлениях был незаметный человек. Ничего особо яркого, героического про него вряд ли кто сможет вспомнить.

⁴ Текст, составлен из фрагментов выступлений на поминках после похорон М.Ковалева 22 ноября 2011 г. и на сороковинах 26 ноября 2011 г. соловчан А. Кошева, П. Леонова, Л. Петровской, В. Сошина, А. Сошиной, Н. Твердохлебовой, О. Шапошник, Н. Ширяева, а также фрагментов воспоминаний И. Митина.

Каким он был? Абсолютно надежным. Другом, к которому всегда можно было обратиться за помощью. С каким-то своеобразным чувством юмора. Со своей точкой зрения на жизнь, которую он никому не навязывал.

Следил постоянно за политикой. Причем на все у него было особое мнение. Не в сторону властей.

Он говорить умел хорошо, а работать — еще лучше. И никогда зря ничего не обещал. А если уж пообещает — значит обязательно выполнит.

Очень много читал. Часто из интернета. Философов, художественную прозу, поэзию и, конечно, техническую и специальную литературу. Интеллектуалом был.

Это был человек очень высокого уровня. И в профессиональном смысле и в человеческом. Очень доброжелательный, открытый. Он никогда не повышал голоса. Любую свою мысль мог разъяснить, позицию доказать, не заводясь, без злобы и крика.

Его незлобивость, спокойствие сильно отличали его от всех нас. Так, я ни разу не слышала, чтобы он на кого-то кричал. Или даже чтобы он раздраженным тоном с кем-то разговаривал, даже когда были причины для серьезного недовольства.

Не случайно все его называли Мишей. Я ни разу не слышала, чтобы кто-то назвал его Михаилом. Домашним, детским именем называют того, кто тебе близок. Он был для всех таким близким человеком. Я в интернете после его

смерти машинально набрала в Яндексе «Миша Ковалев» и уже после подумала, что надо было имя с отчеством набирать. Но оказалось, что я интуитивно набрала верно. Сразу же выскочил материал его друга по стройотряду физиков Игоря Митина — «Умер Миша Ковалев». Со множеством замечательных фотографий.

Не могу осознать, что Миши уже нет. Обычно зайдешь к нему в контору «Палаты». Он как всегда за работой у компьютера. Поговоришь с ним о чем-то. Он предложит: «Кофе будешь?» Все как будто буднично... (А сердце щемит.) Своей обыденностью, спокойствием он как бы устанавливал свою систему координат. В отношениях между людьми, работе, общественной жизни. При нем нельзя было глупости говорить. Потому что он был человеком, в отличие от остальных, прекрасно знавшим законы. Очень не любил пустых споров. Видит, что базарят ни о чем, и говорит: «Чего спорите? Ведь есть вот такой-то документ по налогам, там все ясно сказано...» И все сразу умолкали. Спорить больше не о чем становилось.

Он был человеком профессионально настолько осведомленным в экономике, бухгалтерском деле, хозяйственных и юридических вопросах, что это позволяло ему быть над любым спором, скандалом, над любой дискуссией. Оставаться спокойным, рассудительным.

Так получилось, что хотя мы знакомы с Мишей более 30 лет, но стали близки, наверное, в последние лет десять. Потому что в начале 1980-х он только начал ездить, а я уже как ветеран стройотряда приезжал ненадолго. Потом у меня был перерыв до 1995-го, потом два года на Анзере. В конце 1990-х мы работали в монастыре, но каждый на своем месте. И только с переездом на Батарейный общение стало более тесным. И в какой-то момент я стал чувствовать в Мише родственную душу.

Миша весь день в конторе, часов с 11-ти (любил с утра поспать) и до ночи. А все пути ведут в контору. Кому по делу, кому просто так, поговорить. Ведь все знают, что Миша там. Но он же не просто так сидит, он РАБОТАЕТ. У него куча дел, причем все они распланированы в его голове: сначала это, потом то. А если кто-то пришел и нарушил планы? Просто даже и не подозревая об этом? Какое олимпийское спокойствие надо иметь! И Миша его имел.

Или просто сидят люди в конторе днем или вечером, говорят о чем-то, часто просто так. А Миша за компьютером делает дело. И он терпел,

умел абстрагироваться от всего постороннего, главное, чтобы его не трогали в такие минуты.

Я в какой-то момент осознал, что надо четко понимать, когда Миша занят, а когда с ним можно поговорить. Поэтому, входя в контору, от входа кричал: «Это я», чтобы он не вскакивал. Если приходил по делу, а Миша был целиком «в компьютере», понимал, что надо быстренько получить информацию и свалить. А если просто так, то садился тихо и ждал, пока он освободится от раздумий, чаще на то, чтобы покурить. Вот теперь-то с ним и можно было разговаривать. И прежде всего о прогнозе погоды. За ней он регулярно следил и по сайту, и по барометру. Иногда поворчит для приличия на вопрос о прогнозе, но потом с увлечением начинает объяснять, что будет то-то и то-то, а вчера было что-то другое, и это не удивительно, потому что позавчера было еще что-то... Вот тогда становилось ясно, что его мозг освободился от дел, и можно смело говорить о чем угодно.

А особенно меня восхищало его общение с налоговой, пенсионным и прочими официальными органами. Он досконально изучал все законы, анализировал их и все делал именно по закону. И знал их, по-моему, лучше, чем все эти органы. Поэтому вступал в переписку, звонил по телефону, когда что-то, по его мнению, было не так. Никогда не боялся никаких проверяющих, потому что всегда был твердо убежден, что у него все правильно, все по закону. Все отчеты готовил впритык, но все-таки с небольшим запасом по времени. А вдруг на почте много народу? Или она почему-то закрыта? Ведь все отчеты он отправлял по почте, с описью вложения, сохранял все квитанции. В общем, полный порядок.

Хотя Мишу некоторые воспринимали как затворника, на самом деле, в отличие от многих соловчан, он считал необходимым посещать общественные мероприятия. Ходил на поселковые собрания в клубе, потом всем рассказывал, что там обсуждалось. Обязательно высказывал и свою точку зрения. Часто выступал в конце собрания и делал какие-то неожиданные и правильные выводы.

Посещал детские представления в монастыре. Однажды, помню, он принес на концерт ребятам мешок конфет. И раздаривал их.

Еще он обладал чувством юмора. Поэтому с ним легко и весело было общаться. Миша не был отшельником. Он любил в компании посидеть, поговорить, выпить сухого винца.

У Миши была поразительная, «железобетонная» цельность. Может она и неправильная... Но человек жил строго в соответствии с принципами, от которых не отходил никогда. Я ему говорю: «Миша, давай закурим сигары». — «Нет, я не буду». — «Ну почему? Вот же сигары есть... много... Давай выкурим по штучке». — «Нет, я без Володи сигар не курю. Вот придет, тогда вместе выкурим».

Есть люди, у которых подобное поведение воспринималось бы как глупое упрямство, но у Миши всё было органично возведено в серьезную научную систему. Вот закончились сигареты в магазинах на острове. Перестали их продавать. И Миша, заядлейший курильщик, спокойно в связи с этим заявляет: «Раз сигареты не продаются, значит, я не буду курить». Я ему говорю: «Зачем себя мучить? Жена ко мне летит, может тебе привезти блок сигарет». А он в ответ: «Не надо». И не курил ровно столько, сколько не было сигарет в магазине. Отказаться от такого удовольствия — покурить, для заядлого курильщика страшнее смерти. А у него была такая сила воли, что он мог спокойно переносить отсутствие курева. Когда я ему сказал, что скоро ожидается резкое повышение цен на сигареты, он спокойно ответил: «Тогда я перестану курить».

И причем это никак не было связано с его жадностью, расчетливостью. Это напрямую исходило от его личной внутренней системы. Он к деньгам спокойно относился. Считал, что они конечно нужны, но это совсем не главное.

Миша был очень ответственным человеком. Если брался за какое-то дело, то в независимости от его серьезности относился к нему очень серьезно. Например, он взял шефство над кошками, обитающими на Батарейном мысу возле конторы кооператива «Палата». Хотя, как выяснилось, сам он кошек терпеть не мог. Но кто-то же должен был их кормить! Поэтому Миша регулярно ходил в магазин, закупал в огромных количествах для них рыбу. Каждый день он делил её на порции по справедливости, чтоб каждой кошке досталось. Причем всегда давал им рыбы понемножку. На этот счет у него была своя теория. Он говорил: «Я вынужден так поступать. У меня все рассчитано. Если я буду давать кошкам больше, то по закону природы, они станут сильно размножаться. И это будет и им и нам во вред».

Он на самом деле жил по какой-то своей системе, и мне пытался объяснить, что иначе — стихийно — жить не может.

Я тоже хочу подтвердить, что Миша был очень принципиальным. Если что-то у него

в душе крепко сидело — это всё! Он с **этого** ни за что не сойдет! Как поезд с рельсов не сходит никогда.

Миша был, наверное, лучшим на Соловках знатоком компьютерного дела и прочей современной техники. Не раз, пытаясь освоить компьютер, я прибегала к его помощи. При этом он всегда искренне пытался объяснить мне, что и как работает. Я ему говорю: «Ведь все равно ничего не пойму. Ты время на меня не трать, а лучше покажи на какую кнопку нажать». Но он так не мог. Все равно долго-долго объяснял мне что к чему в этом компьютере.

И не только мне помогал. Скольким людям он зависшие компьютеры в норму приводил! Очень необходимый для всех человек был. Хотя тихий, незаметный. Сам никогда не выпячивался, себя, что называется, не предлагал...

Когда умер Сергей — младший брат Миши, он пришел в храм, поставил свечку на канун с распятием и стал молиться святому Уару, к которому обращаются с просьбой о предстательстве этого святого мученика перед Господом с мольбой о прощении и помиловании умерших в иноверии или без крещения в православии. Миша, как и брат его, ушел из жизни не крещеным. Он не мог знать, что в церкви принято молиться только за её крещёных членов. Об остальных умерших молятся дома. Давайте и мы помолимся о спасении души Михаила:

Приидите убо, мучениколюбцы, стещьтеса усердно днесь, возвеличим страстотерпца, Небеснаго венечника, славнаго Уара великомученика, и возопием к нему, молящеса и глаголюще: о дивный воине и храбрый, Царя Христа воеводо, сниди к настоящему ликованию во еже видети с молением предстояние, и приими наше прошение, и не забуди помиловати нами поминаемья, падшия в неверии еже о нас сродники, якоже и Клеопатрин род неверный молитвами своими от вечных мук свободил еси, тако воспомяни воспоминаемья выну наши деды и прадеды, и яже с ними вочтенныя, елицы противобожне погребенныя, умершия некрещенныя, среди них и новопреставленного Михаила. За сих убо предстани ко Христу Богу, к Твоему Подвигоположнику, за Негоже усердно пострадал еси, и потщися испросити оным от вечныя тьмы избавление и душам нашим прощение и велию милость.

Когда жизнь человеческая кончается, всегда думаешь, кем был успешный человек для тебя? Так

вот. Он был для меня, прежде всего, благодарным слушателем. Это ведь в наше время очень редкое и дорогое качество! В последние годы я живу одна, поговорить не с кем. И когда я хотела выговориться, шла к Мише. Слово за слово, говорю, говорю, а он молчит, слушает, улыбается. Иногда, правда, давал понять, что не согласен со мной. Но терпел. А когда ему было уж совсем не вмоготу от моей болтовни, доставал сигарету и, хоть не закуривал, но я понимала, что пора заканчивать. Выходила с ним на крылечко, договаривала самое важное и шла, облегченная и успокоенная, домой.

И еще хочу сказать. Мишу Ковалева очень уважал наместник нашего Соловецкого монастыря отец Иосиф. Ему было совсем неважно, крещеный Миша или нет. Ведь всякая душа христианка! Для Бога все живы!

Миша всегда такой был радостный, такой жизнелюбивый. Таким он останется в моей памяти.

Я научилась кататься на велосипеде, когда мне было уже 17 лет. В тот день я возвращалась поздно вечером из леса, где всё это произошло, и дядя Миша был первым, кого я встретила и кому об этом рассказала. Встретила я его около Сухого дока, совсем рядом от того места, где его не стало. Я его часто именно там встречала. У него были такие свои «точки обзора», где он стоял и обозревал окрестности или ансамбль монастыря. И всегда я заговаривала с ним или он — со мною. О каких-то простых житейских вещах или о поселковых событиях. В тот раз, после первого катания, он порадовался вместе со мной, похвалил и закончил тем, что сказал: «Главное теперь — тормозить научиться». На том мы и расстались.

Велосипед был для меня событием. Я много тогда размышляла о равновесии душевном и физическом, о дороге и о пути, о трудностях и радости движения, поэтому часто вспоминаю тот вечер. Уставший, погруженный во что-то, но веселый взгляд дяди Миши и его слова. И учусь тормозить. Останавливаться и смотреть вокруг.

Миша был человеком с очень весомым словом. Он не умел, как другие, просто болтать. Зайдешь в контору, он, как и всегда, работает за компьютером. Но при этом прислушивается к разговору. И вдруг —

раз! — и вставил свое важное слово. Или если спросишь его о чем-то, у него всегда найдется ответ. Причем мнение было свое, особое. Очень ясное, четкое, конкретное. На собраниях он вел себя как главный редактор. Выслушивал всех, а потом подытоживал. При этом речи его никогда не были длинными, он не допускал эмоций, говорил всегда спокойно, точно и ответственно.

С Мишей можно было говорить на любые темы. Про знание его техники и компьютеров уже говорилось. Был он специалистом и в бухгалтерских и экономических вопросах. Например, я приходила консультироваться к нему по налоговой системе. Несмотря на всю занятость, он откладывал все свои дела, внимательно выслушивал меня, вникал в проблему, задавал два-три конкретных вопроса и отвечал точно по существу. Он ничего в жизни не делал формально.

Вообще, Миша был всезнающим, сверхосведомленным человеком. И всякое его слово было бесценным. Потеря его оказалась потерей для очень многих людей, даже тех, кто с ним не был близко знаком. Почему его так любили? Наверное, потому что никому не делал зла, потому что был добрым человеком, наверное, за его интеллигентность, наверное, потому, что был открыт для всех и откликался на любую просьбу.

К сожалению, мы мало говорим друг другу хороших слов при жизни. Мишу ведь многие при жизни вообще не замечали. Он сидел в своем кабинете, с утра до ночи трудился, не так часто появлялся на людях, он не был общественным человеком, но на самом деле он был одним из главных людей Соловков. И только теперь, когда его нет, мы будем осознавать, как он был необходим всем нам.

Есть люди, про которых можно сказать, что они много сделали своей жизнью. Миша несомненно среди таких. Но он очень многое сумел сделать и своей смертью. Он нас всех объединил и сказал: «Конечно, сейчас трудное время. У всех свои проблемы. Но жизнь короткая. Смерть непредсказуема. Никто не знает, сколько кому осталось. Прошу вас: живите иначе! Так как вы живете, жить нельзя!»

Нам не хватает Мишиного спокойствия, мудрости, здравого смысла и профессионализма... Нам не хватает людей уровня Мишиной личности. Теперь осознаешь, что он был незаменимым человеком.

И еще. В нас много гордыни и самолюбования. И не хватает Мишиной незаметности.

P.S. Уже после того, как материал был подготовлен, в редакцию поступили тексты о Мише Ковалеве от друзей-соловчан:

Миша был человеком, про которого не хочется говорить банальности.

Более 30 лет мы вместе участвовали в восстановлении соловецких **памятников**, пытались воссоздать память, восстановить связь времен. Мы были с ним единомышленниками. Но, как мне кажется, реставрация для Миши была лишь средством для реализации некоего высшего смысла. Бухгалтерия, компьютер, любой труд на Соловках — всё это было для него не способом выживания, не смыслом жизни, а лишь инструментами, помогающими обрести этот высший смысл.

Миша был **инакомыслящим**, то есть мыслил иначе, чем другие современные люди. К сожалению, это слово было сильно девальвировано политиками, диссидентами в советское время. В отличие от них, инакомыслие Миши было не болтливый, а созидательным. Он ничего не декларировал, не кричал на митингах, не звал никого за собой. Никаких титулов и начальственных должностей у Миши никогда не было. Он просто честно делал свое дело. Именно на таких людях держится мир. С уходом Миши еще одним хорошим человеком на земле стало меньше.

Владимир Сошин

Картина, наиболее часто всплывающая в памяти. Без предварительной договоренности я в очередной раз захожу в контору «Палаты» и стучусь. Не сразу, спустя некоторое время, появляется Миша, встав из-за рабочего стола или выйдя из другой комнаты. На лице его одновременно некоторое, как мне казалось, слегка скрывае-

мое удивление и едва заметная, возможно, тоже слегка скрываемая, радость. В этом для меня весь Миша.

Безусловно, мы были с ним совершенно разными людьми: и по характеру, и по мировосприятию, и по образу повседневной жизни, но, как хочется думать, стали друзьями, особенно на последнем отрезке так печально прервавшегося общения. Какова же причина этому? Трудно объяснить словами, но я попытаюсь.

В течение многочасовых бесед, за которыми мы коротали долгие зимние субботние вечера (часто захватывая и половину ночи), нам ни разу не удавалось ни о чем договориться. Другими словами, наши точки зрения по самым разным вопросам никогда не совпадали. Этот порой до абсурда доводимый «плюрализм мнений» меня поначалу сильно волновал, но спустя какое-то время я понял, что в противном случае (будь мы во всем единодушны) наши беседы вскоре бы прекратились и плавно перетекли в молчаливое застолье.

Однако был и другой, более важный момент. Постепенно я стал осознавать, что иная точка зрения может восприниматься без раздражения, если она подкрепляется соответствующими ей делами. А в этом отношении у Миши было все в порядке. Например, если он считал, что общество потребления — это плохое общество, то и не потреблял, а ходил каждый день зимой и летом почти в одном и том же. Или, если не считал, что красота спасет мир, то и не стремился окружить себя ею. Беспорядок на письменном столе, по-видимому, был обратной стороной порядка в голове. Ну и т.д. Одним словом, Миша был очень цельным человеком, и это не могло не вызывать уважения.

И, наконец, Миша был очень добрым. Его доброта была не внешней, поверхностной, а внутренней, глубокой, поэтому не бросалась в глаза (во всяком случае, я ощутил ее не сразу). Она не сопровождалась какими-либо рассуждениями о сакральном, а просто была. Миша не **говорил о Боге**, но **жил по Его Законам**: любил людей, помогал им, как мог, никого не осуждал, не обманывал, не стяжал, не подличал. Это, как представляется, и является самым главным: если живешь душой правильно, уже не столь важно какие концепции в твоей голове.

Николай Ширяев

Дай Бог по милосердию Твоему, чтобы бессмертная душа Михаила упокоилась если не среди праведников, то и не среди грешников. Говорят, что в загробном мире есть такие вечные селения. У Бога обителей много.

Упокой, Господи, раба Твоего Михаила, спаси, помилуй и сотвори ему вечную память!